

*Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич),
Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская православная духовная
семинария (г. Иваново)*

ЕПАРХИАЛЬНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЯХ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Статья посвящена социально-политическим дискуссиям в епархиальной периодической печати периода Первой мировой войны. Характеризуется участие церковной печати в создании образа врага. Отмечается цивилизаторская позиция церковных публицистов, видящих в простом народе темную массу, а в духовенстве просветителей и цивилизаторов. Выявляются глубинные противоречия, характерные для предреволюционного прихода – конфликты между духовенством и прихожанами, между священнослужителями и низшими клириками. В качестве источника используются «Пензенские епархиальные ведомости» 1914 – 1917 годов.

Ключевые слова: Русская Церковь, духовенство, низшие клирики, семинаристы, прихожане, приход, приходская реформа, епархиальные ведомости, епархиальная печать, кооператив, социальные конфликты, политическая власть

*Abbot Vitaly (Utkin Igor Nikolayevich),
Holy Alekseevskaya Ivanovo-Ascension Orthodox Theological Seminary (Ivanovo)*

DIOCESAN PERIODICALS IN SOCIO-POLITICAL DISCUSSIONS DURING THE FIRST WORLD WAR

Resume: The article is devoted to socio-political discussions in the diocesan periodicals during the First World War. The participation of the church press in creating the image of the enemy is characterized. The civilizing position of church publicists is noted, seeing in the common people a dark mass, and in the clergy as enlighteners and civilizers. The deep contradictions characteristic of the pre-revolutionary parish are revealed - conflicts between clergy and parishioners, between clergy and lower clerics. The source used is the "Penza Diocesan Gazette" of 1914-1917.

Key words: Russian Church, clergy, lower clerics, seminarians, parishioners, parish, parish reform, diocesan records, diocesan press, cooperative, social conflicts, political power

В период Первой мировой войны епархиальная печать стала, по сути, частью единого пространства военной пропаганды в России. С первых дней войны она, вместе со светскими газетами и журналами, а также центральной церковной печатью принимала самое активное участие в формировании образа врага.

На протяжении второй половины 1914 – начала 1917 годов черты этого образа стали устоявшимися пропагандистскими штампами. Это ярко видно из передовой статьи священника И. Померанцева в январском номере «Пензенских епархиальных ведомостей» за 1917 год [9].

Врага здесь фактически скороговоркой и привычно характеризует следующими фразами: «духовное обнищание», «несостоятельность религиозно-нравственных воззрений», «озверение и полнейшее одичание», «озверевшие немцы, охваченные бесовской гордыней и буйством», которые «сжигают и разрушают храмы Божии», оскверняют алтари, превращают их в конюшни и т.д. [9, С. 1 – 2.].

Германская империя, столь же характерно для всей русской, в том числе церковной военной публицистики характеризуется как «глубоко враждебная по своему настроению Христу, пропитанная языческим духом эгоизма и полнейшего неверия» и «потерявшая разум и совесть» [9, С. 2]. Конечно, никто из церковных публицистов того времени не мог и предположить, что одним из результатов Первой мировой войны станет приход на место христианской и аристократической Германской империи нацизма.

Пока же полной антитезой коварным и жестоким «тевтонам», конечно же, выступает в печати православное воинство. О нем, священник И. Померанцев пишет столь же устоявшимися за время войны, называемой в то время «Второй Отечественной» или даже «Великой Отечественной», штампами: «Наши доблестные воины, искони воспитанные в духе Православной Церкви ее ревностными служителями, исполняя высокое назначение, ниспосланное им Самим Богом, в течение двух лет совершают великие военные подвиги и с глубокой верой в Промысл Божий защищают величие, мощь и силу Святой Руси, изумляя весь мир и даже своих врагов самоотверженностью, мужеством и доблестью» [7, С. 3].

Такая антитеза еще как-то работала на создание военно-политического образа врага, особенно в первый период войны, до так называемого Великого отступления русской армии 1915 года. Однако на излете войны, в связи с вызванными ею бедствиями, в условиях больших потерь, появления множества беженцев, роста цен, разгула спекуляции и дороговизны, усугубления социальных противоречий, раскалывающих общество, она вошла в противоречие с реальностью.

Еще не было известно, что «доблестные православные воины в серых шинелях» буквально через несколько месяцев будут массово отказываться от

Причастия, зато станут поднимать на штыки своих собственных командиров и браться с немцами. Но зато хорошо было видно, что народ, произведший из себя этих «православных воинов», оказывается далеко не соответствующим ожиданиям своих пастырей, а сами пастыри – виновными в таком состоянии народа.

Впрочем, еще перед самым началом Первой мировой войны автор «Пензенских епархиальных ведомостей», подписавшийся как «В.М.» так констатировал «духовно-нравственное состояние» народа: «Ослабление религиозного чувства, огрубение нравов, неуважение к старшим и даже власти, хулиганство, воровство, грабежи и убийства, в связи со все более развивающимся пьянством – вот всем известные грехи современной деревни» [5, С. 573]. Для оценки ситуации он даже использовал такую сильную фразу, как «возрастающее одичание деревенского населения» [5, С. 574].

Судя по картине, рисуемой автором как непосредственным наблюдателем народной жизни, длившаяся много десятилетий деятельность государственной власти, Церкви, земских учреждений по насаждению в деревне грамотности не дала сколько-нибудь позитивных социальных результатов. Он так пишет о влиянии школы на деревню: «Школа в том виде, в каком существует в настоящее время в России, вообще не оправдывает возлагавшихся на нее надежд и почти не оказывает благотворного влияния на население» [5, С. 574]. «Воспитательная сторона в народной школе находится в почти полном пренебрежении», - констатирует он [5, С. 574].

Автор считает, что сельское население быстро утрачивает приобретенные навыки грамотности, а те крестьяне, кто перебираются в города, чаще всего «увеличивают собою кадры городского пролетариата и хулиганства» [5, С. 574].

Социальная ткань общества, по мнению автора, рассыпается. Народную нравственность, полагает он, можно поднять возвышением религиозного чувства. «Только религия, - восклицает он, - может сделать простолюдина нравственнее и трезвее, и народный учитель только тогда будет безусловно полезен в деревне, когда он пойдет об руку с приходским священником» [5, С. 575].

«В.М.» утверждает, что нужно поднимать нравственный уровень самого духовенства и это является огромной государственной задачей [5, С. 575]. Правительство, по его мнению, должно срочно принимать меры по преодолению «общего развала приходской жизни» [5, С. 576]. Оказывается, что выпускники духовных семинарий не желают становиться священнослужителями. Главную причину этого В.М. видит в глубинном социальном конфликте на самих приходах между священнослужителями и их паствой [5, С. 576].

Автор пытается взывать к семинаристам, отказывающимся от пастырского пути, указывая на то, что они и жили, и учились за счет простого народа.

Действительно, с начала XIX века существовала устойчивая система финансирования духовного образования за счет дохода, получаемого

приходами от продажи свечей. Все эти средства должны были полностью направляться в духовные консистории [3, С. 180].

В том числе и этот факт учитывает «В.М.», когда пишет: «Целые поколения отцов ваших ели хлеб церковный. В домах родителей вы выросли на хлебе церковном. Затем воспитание в учебных заведениях. Сообразите, за чей счет вы жили и получали образование в учебных заведениях? В счет пота, крови, черноты и бедности, нравственной скудости и невежества черного русского человека, стародавнего крестьянина, всегдашнего неизменного христианина. От скудного прибýtка черного труда своего он сегодня, завтра несет на свечку в жертву Богу свой грош. Из этих жертвенных грошей ежегодно составляются сотни тысяч жертв, посвященных Богу и принадлежащих Церкви. И вот, в счет этих-то жертв, с минуты зарождения вашего, вы росли и выросли, стали носителями умственного света, маяками, зажженными во мраке ночи. Можно ли после этого кому-нибудь из вас отрицать, что вы – народная жертва Богу, что вы – собственность Церкви до мозга костей ваших» [5, С. 577 – 578].

По сути, автор «Пензенских епархиальных ведомостей» обвиняет все духовенство в эксплуатации жизни и труда крестьянства, призывает к нравственной ответственности за эту эксплуатацию «черного, невежественного народа», которому выпускники семинарии должны послужить «маяками» «умственного света».

Семинаристы не внимали этим обличениям. Ведь именно сам факт глубинного разделения глубоко европеизированного и секуляризированного с самого момента своего возникновения в России XVIII века семинарского образования с толщей народной культуры и делал духовенства чуждым русскому крестьянству [4, С. 108]. Приходы оказывались местом разрыва ткани социально-политической жизни русской деревни, одним из очагов нарастания общественного противостояния. Само по себе восприятие духовенством себя в качестве «маяков» и цивилизаторов, а народа – как сплошного «мрака ночи» делало этот конфликт неизбежным.

Война с ее бедствиями, жертвами, резким падением приходских доходов еще больше усугубила разрыв.

Священник И. Померанцев так характеризовал современную ему пензенскую деревню: «Духовная тьма доселе еще окутывает все стороны жизни народа густым туманом невежества, суеверий и предрассудков, которые загромаждают религиозную сторону жизни деревни и напоминают собой древнее язычество» [9, С. 3]. То есть народ, несущий основную тягость войны и составляющий основу армии, оказывается некоей темной массой, которая нуждается в просвещении со стороны носителей цивилизации. Никто не брался объяснить, как такой вывод соотносится с представлениями о «народе-богоносце», который ведет борьбу с германской цивилизацией, в ходе войны неизменно преподносившейся как «варварская». И как это соотносится с мнением «В.М.» о крестьянине, как «всегдашнем неизменном христианине».

Основатель Пензенской психиатрической больницы Константин Романович Евграфов в октябре 1916 года в опубликованном на страницах

«Пензенских епархиальных ведомостей» докладе 1-му Харьковскому педагогическому съезду констатировал: «К официальным представителям Церкви давно уже установилось... пренебрежительное насмешливое отношение, к сожалению, не только так называемого образованного класса, а как явление общее всему русскому народу. Авторитета, даже простого почтения и уважения, пастыри Церкви не имеют. Скорее наоборот...» [6, С. 655].

Выдающийся пензенский психиатр писал, что «лучшие люди русской мысли указывают и причины этого глубокоприскорбного явления: нестроение в недрах нашей Православной Церкви, подчинение ее временному, а не одному вечному и святому» [6, С. 656]. К таким «нестроениям» он относил: «Связанность слова, отсутствие религиозной свободы, пользование со стороны Церкви «мечем светским» [6, С. 656]. То есть, с точки зрения основателя Пензенской психиатрической больницы, Церковь нуждается в коренной демократизации и отделении от государства. Впрочем, напрямую он это не проговаривает.

Учитывая отрыв от Церкви рационализированного образованного слоя, очевидный уже к концу 1916 года разрыв с нею простого народа, К.Р. Евграфов предлагает «пересоздать прежде само общество» [6, С. 657]. Идея государственного и церковного обновления становится тогда господствующей во всех слоях России. Большое внимание ожиданиям такого обновления и «пересоздания» уделяла и русская епархиальная печать. Константину Романовичу такое обновление виделось возвращением «язычников» в лоно христианства [6, С. 657]. Подобные всеобщие ожидания, получившие сакральные обоснования со стороны многочисленных церковных публицистов, делали кардинальные политические изменения по итогам или даже в ходе войны практически неизбежными.

Не менее кардинальными были и изменения, предполагавшиеся в приходской жизни. Так, в январском номере «Пензенских епархиальных ведомостей» приводилось мнение епископа Астраханского и Царевского Митрофана (Краснопольского) [7]. Здесь отмечалось, что «в своем донесении Синоду по поводу предполагаемой приходской реформы» епископ Митрофан пишет, что в ее организации «непременное участие должны принять как мужчины, так и женщины», так как во Христе нет ни мужского пола, ни женского [7, С. 34]. «Женщинам, - продолжают излагать мнение епископа Митрофана «Пензенские епархиальные ведомости», «как лучшим и верным помощникам в жизни вообще, никоим образом не следует ставить преграды к участию в обновлении жизни приходской» [7, С. 34]. Понятно, что здесь не ставился вопрос о женских хиротониях, но само участие женщин в выборных органах прихода и приходской активности уже не бралось под сомнение.

Приходская и епархиальная реформы для православных публицистов оказывались в центре ожиданий общественного обновления. Ведь считалось, что они, разорвав средостение между приходским духовенством и архиереями, с одной стороны, и духовенством, и прихожанами с другой, будут способствовать социально-политическому исцелению. Однако реальные

интересы духовенства оказываются связанными не с этим общественным преобразованием, а поиском устойчивых материальных источников своего существования.

Примером может служить такой, безусловно, выдающийся пензенский священнослужитель как протоиерей Николай Федорович Быстров [8, С. 116]. Буквально за три месяца до Февральской революции он помещает программную статью в «Пензенских епархиальных ведомостях». Однако пишет в ней не об очевидном углубляющемся разделении пастырей и паствы, а о необходимости создания «епархиального кооператива» [2].

Протоиерей Николай Быстров отмечал, что на собрании пензенского духовенства 30 марта 1916 году обсуждение предложений правительства по реформе прихода свелось к мечтам о получении той или иной суммы денег в виде государственного жалования [2, С. 683 – 684]. Он констатировал, что по состоянию на осень 1916 года 105 причтов Пензенской епархии не получали вообще никакого государственного жалования [2, С. 684]. Поэтому-то, по мнению протоиерея Николая и нужно было развивать кооперативное движение.

Однако предлагаемые им кооперативы никак не предполагали объединение в единой хозяйственной деятельности духовенства и прихожан. Он считает, что такие кооперативы должны включать в себя только клириков.

Протоиерей Николай Быстров предлагает и название своему учреждению «Пензенский духовно-епархиальный кооператив» [2, С. 685].

В самый канун коренного слома всего государственного строя он предлагает читателям следующие рассуждения: «Духовенство сельское, как известно, кредитуется в настоящее время в кредитных товариществах и платит 12%. А если бы наш будущий кооператив, действуя на местах, давал бы ссуды, скажем по 6%, даже по 8%, разве это не хорошо бы было?» [2, С. 686].

Один из известнейших пензенских священнослужителей не только не ставит вопрос о невозможности для православной традиции самого ссудного процента, но и считает возможным получать такой процент с братьев-священнослужителей. Между тем, как известно, даже Второзаконие говорит так: «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост; иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею» (Втор. 23, 19 – 20).

Пишет протоиерей Николай Быстров и о сельскохозяйственных кооперативах. В целом кооперативное движение он оценивает следующим образом: «В настоящий момент сельскохозяйственное объединение признается почти единственной силой, на которую может опереться в тяжелое время государство и армия, нуждающиеся в самом усиленном производстве сельскохозяйственных продуктов и в удешевлении пищевых припасов. Главная задача всех вообще русских кооперативов – усовершенствование хозяйства для спасения Отечества от немца и его засилья. Отсюда, сельскохозяйственное объединение, в настоящий момент – прежде всего дело патриотизма» [2, С. 686].

Он отмечает, что духовенство не только не вправе уклоняться от этого патриотического дела, но обязано в нем участвовать. Однако предлагает не вступление священнослужителей в действующие кооперативы, созданные их пасомыми, но отдельное объединение в «духовно-епархиальный» кооператив.

Здесь слово «духовный» означает не духовное возрождение, а принадлежность к духовному сословию, «епархиальный» – епархиальные границы такого обособленного объединения духовенства.

С точки зрения протоиерея Николая Быстрова, благодаря кооперативу, «воспитанники духовных семинарий, наверное, не побежали бы из деревни так стремительно, как они бежали за последние годы» [2, С. 689].

Провинциальное духовенство стремилось расширить свое участие в политических процессах. Активно дебатировался вопрос о возможности принимать участие в городских выборах. В ноябре 1916 года «Пензенские епархиальные ведомости» сообщали: «Из провинциальных епархий поступают ходатайства относительно возвращения духовенству отнятых у него прав участия в городских выборах» [10, С. 720].

Мотивировка политической деятельности клириков предлагалась следующая: «Если духовенство имеет право участвовать в выборах в Государственную Думу, то нет никаких оснований считать духовных лиц неспособными или нежелательными выборщиками в городские думы... При праве сектантских наставников участвовать в выборах ограничение этого права для православного духовенства влечет часто весьма нежелательные последствия и несовместимо с достоинством и прерогативами господствующей церкви» [10, С. 720]. Подчеркивалось, что «по газетным сообщениям большинство наших иерархов за предоставление выборных прав духовенству» [10, С. 720].

Духовенство стремилось не только участвовать в выборах общеполитических, но и выбирать своих архипастырей. Однако при этом оно категорически выступало против выбора прихожанами самого духовенства.

В номере «Пензенских епархиальных ведомостей» за вторую половину декабря 1916 года, на фоне идущих споров о приходской и епархиальной реформах была републикована статья профессора Московской духовной академии А.Д. Беяева [1]. В ней отмечалось, что «все слои общества» стремятся к «обновлению своей жизни» [1, С. 763].

«Старые формы церковной жизни» не в состоянии, по мнению автора, соответствовать новым требованиям времени. Цель приходской реформы – нравственное обновление православного прихода [1, С. 763].

Профессор А.Д. Беяев отмечает, что самым популярным из циркулирующих в печати проектов церковной реформы является «проект, имеющий целью предоставить приходу полную автономию с правами самостоятельного распоряжения церковным имуществом и выбора священно-церковнослужителей» [1, С. 763]. Далее он доказывает историческую несостоятельность этих предложений.

Он согласен с тем, что «приход разложился нравственно», но категорически отрицает будто «стремление прихожан к приобретению прав

распоряжения церковным имуществом и выбора клира говорит о недоверии пасомых к пастырю и даже епископу» [1, С. 763].

Профессор считает, что от участия в распоряжении имуществом прихода прихожан «не станет благочестивее». Всё дело, по его мнению, заключается в правильном воспитании пастырей, которые и должны пасти своих прихожан [1, С. 768].

А.Д. Беляев отмечает, что само «возникновение вопроса о приходской реформе и способах ее проведения в жизнь весьма убедительно свидетельствует, что далеко не все пастыри усердно трудились на ниве Божией» [1, С. 769]. Однако никаких реальных мер по исправлению ситуации он так и не предложил, ограничившись указанием на то, что «дружные усилия семьи и школы могут способствовать выработке истинного носителя пастырского духа», а это, в свою очередь, обновит и приход, и общество [1, С. 769].

Главным препятствием для выборов священников прихожанами Александр Дмитриевич Беляев считал, прежде всего, низкий нравственный уровень самих прихожан. По сути, перед нами все то же цивилизаторское сознание, которое было характерно для русского духовенства на протяжении двух столетий. Беляев пишет о крестьянах: «Они большей частью желают себе притч, соответствующий их нравственному уровню, ведь благочестивых людей в приходе, как и везде, меньшинство, почему желания этого последнего никогда не могут восторжествовать над желаниями остальной массы прихожан» [1, С. 769].

В статье А.Д. Беляева вскрывается еще одно очень глубокое внутреннее противоречие жизни дореволюционного православного прихода. Это конфликт не только между священнослужителями и прихожанами, но и между священнослужителями и низшими клириками. Профессор МДА активно противостоит предполагаемым планам замены семинарий с их углубленно общеобразовательной программой специальными богословскими пастырскими школами, таких программ не имеющих, и дающих исключительно богословскую подготовку и практически-церковные навыки [1, С. 770].

Для него принципиален факт, что выпускники семинарий могут поступать в светские университеты. Это именно тот самый уход от священства, о котором столь пламенно писал в тех же «Пензенских епархиальных ведомостях» «В.М.». Но сам А.Д. Беляев – сын священника, а не дьячка. Видимо поэтому он считает, что сельские учителя и даже диаконы, стремящиеся поступить в имеющие гипотетически возникнуть пастырские школы, непременно движимы «корыстолюбивыми целями» завладеть доходом нынешних священнослужителей [1, С. 770].

С его точки зрения, так как для «детей многосемейных псаломщиков и пр.» «не будет доступен университет по известным всем причинам», то они будут стремиться за «казенным жалованием» в пастырскую школу, чтобы стать священниками [1, С. 771].

В статье маститого профессора Московской духовной академии особенно обращает на себя внимание вот это «и пр.» после «многосемейных

псаломщиков», а также указание на «известные всем причины», видимо предполагающее заранее крайне низкий интеллектуальный уровень детей клириков, не являющихся священниками и выпускниками духовных академий. Собственно, это очень ярко характеризует тяжелейший внутренний конфликт на приходах в самый канун февральской революции 1917 года.

Таким образом можно констатировать, что наиболее успешным до определенного периода Великой войны для епархиальной печати было создание образа врага. Однако она так и не предложила реальных путей выхода из тех социально-политических противоречий, которые были характерны для Русской Церкви в период чаяния церковного обновления. Однако само это стремление к обновлению было частью общего тренда на общественно-политические изменения, который и станет главной причиной безоговорочного принятия февральской революции большинством церковного народа.

Литература:

1. *Беляев А.Д.* Обновление православного прихода и реформа духовной школы // Пензенские епархиальные ведомости. 1916. №24. С. 763 – 773.
2. *Быстров Н.Ф., прот.* Пензенский епархиальный кооператив // Пензенские епархиальные ведомости. 1916. №22 неоф. С. 683 – 695.
3. *Виталий (Уткин), игум.* Епархиальные миссионерские структуры и периодические издания в дореволюционный период, участие приходов их финансировании (на примере Рязанской епархии) // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2018. №16. С. 173 – 203.
4. *Виталий (Уткин), игум.* К характеристике постсекулярности в свете истории российской секуляризации: православное духовенство как инструмент модерна в России XVIII – первой половины XIX веков // Тетради по консерватизму. 2019. №3. С. 97 – 110.
5. *В.М.* Питомцам духовных семинарий // Пензенские епархиальные ведомости. 1914. №20 – 21. С. 573 – 580.
6. *Евграфов К.Р.* Что может дать в настоящее время школа в смысле религиозного воспитания? // Пензенские епархиальные ведомости. 1916. №20 – 21 неоф. С. 654 – 675.
7. Женщины в приходе // Пензенские епархиальные ведомости. 1917. №1. С. 34.
8. *Кошелева А.И.* Пензенский священник Н.Ф. Быстров: пастырь, краевед, публицист // Исторические, философские, политические и юридические

науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики.
2016. №12-1 (74). С. 115 – 117.

9. *Померанцев И., свящ.* Об оживлении церковно-приходской жизни // Пензенские епархиальные ведомости. 1917. №1 неоф. С. 1 – 13.

10. Участие духовенства в городских выборах // Пензенские епархиальные ведомости. 1916. №22. С. 720.